

DOI 10.15407/sociology2020.01.023
УДК 316.454.3/653

ДЖЕФФРИ Ч. АЛЕКСАНДЕР,

профессор социологии и содиректор Центра социологии культуры, Йельский университет (New Haven, CT 06520, USA)

JEFFREY Ch. ALEXANDER,

Professor of Sociology and co-Director of the Center for Cultural Sociology, Yale University (New Haven, CT 06520, USA)

jeffrey.alexander@yale.edu

https://orcid.org/0000-0003-3600-8023

КАРЛО ТОНЬЯТО,

профессор факультета социологии и директор Центра социальных исследований, Национальный университет Колумбии (Edificio Uriel Gutiérrez 26-85, Bogotá D.C., Colombia)

CARLO TOGNATO,

Associate Professor at the Department of Sociology and Director of the Center for Social Studies, National University of Colombia (Edificio Uriel Gutiérrez 26-85, Bogotá D.C., Colombia)

ctognato@hotmail.com

https://orcid.org/0000-0003-0505-4246

Цивильная сфера и демократия в Латинской Америке¹

Цивильная сфера (civil sphere) является, бесспорно, тем демократическим полем в современных обществах, которое обеспечивает универсализацию культурных устремлений и организационные структуры, критикующие и интерпретирующие такие нецивильные сферы, как экономика, религия, наука, первичные объединения и государства.

В отличие от указанных выше, более иерархичных и более конкретных областей, цивильная сфера в своем самоопределении основывается на солидарности, чувстве братской и сестринской связи с каждым, кто принадлежит к сообществу. Те, кто населяют цивильную сферу, идеализируются как автономные индивиды, чувствующие обязательства друг перед другом.

---

¹ Статья подготовлена на основе введения Дж. Ч. Александера и К. Тоньято к книге: Alexander, J. C., Tognato, C. (Eds.), (2018). *The Civil Sphere in Latin America*. Cambridge University Press. Публикуется по согласованию с авторами и с разрешения издательства.

Цитирование: Александер, Дж. Ч., Тоньято, К. (2020). Цивильная сфера и демократия в Латинской Америке. *Социология: теория, методы, маркетинг*, № 1, сс. 25– 40.

Гражданская сфера направляется мощным дискурсом по вопросам свободы и солидарности, но это больше, чем форма социальной коммуникации. Культура гражданской сферы институционализируется через организации, которые связывают ее интерпретативные категории с конкретными событиями во времени и пространстве.

Подпитываемая утопическими смыслами, гражданская сфера является также сложным набором коммуникативных и регуляторных институтов. Идеальные и материальные интересы независимых СМИ запускают постоянный поток суждений касательно гражданского или антигражданского статуса действий, происходящих в определенных местах, здесь и сейчас. Это сложное сочетание идеальных и материальных интересов определяет идеализированный критерий гражданской сферы скорее в контексте регулирования и принуждения — от императивных требований ведомств до обязательности голосования и неоспоримости закона, обеспечиваемых государством.

Моральные требования самоуправления обуславливают такие гражданские качества, как рациональность, автономность, честность, открытость, сотрудничество, критичность и равенство. Вдохновленные столетием социальных и культурных движений, отражающих эти качества с разных сторон, представители гражданских сфер считают их незыблемыми и облагораживающими.

Смыслы всегда относительны, однако очерченные выше неоспоримые качества всегда соотносятся с антагонистически противоположными им смыслами, соотносимыми с отсутствием гражданских качеств. Такие качества, как иррациональность, зависимость, лживость, неискренность, антагонистичность, пассивность, иерархичность, считаются не заслуживающими одобрения и уважения. Когда идеалы гражданской сферы воплощаются в реальности, когда они проявляют себя во времени и пространстве и наталкиваются на крайние формы культурного и институционального противодействия со стороны негражданских институтов, требуются судьбоносные компромиссы. Класс, раса, гендер, сексуальность, этничность, религия и регион — в ходе исторического процесса демократизации каждая из этих категорий становилась означаемым (*the signified*) недостойного антигражданского означаемого. Любая реальная гражданская сфера является в той же мере инклюзией, как и эксклюзией, когда речь идет о недопущении тех, кого считают “нечистыми”, то есть опасно антигражданскими, не вписывающимися в рамки “чистых” социальных категорий, принадлежащих к “подлинному” гражданскому обществу.

Если посредством этих противоречий действительно фрагментируются реальные гражданские общества и компрометируются их гражданские сферы, это все равно не отменяет окончательно их устремления. Этика независимой журналистики и судебной независимости, нормы альтруизма и нравственные нормы социальной справедливости, соблюдение электоральных процедур, расширение сферы прав и идеалов служения — все эти демократические элементы, в той или иной мере, выживают, даже в подавляемых гражданских сферах, чья независимость от государства, рынка и церкви сильно ограничена. Утопические идеалы демократической солидарности проникают в каждое современное общество.

Общественные движения возникают в результате напряженности между настоящими и идеальными гражданскими сферами. Такая мобилизация

инициирует обращение к идеалам гражданской сферы в надежде перевести социальные проблемы, первоначально генерируемые в глубине негражданских сфер, на тот уровень, где их можно оценить, исходя из более солидаристско-демократической перспективы гражданских сфер как таковых; тогда вместо того, чтобы быть проблематикой, касающейся лишь части общества, социальные проблемы могут стать предметом серьезной обеспокоенности для общества в целом. Если общественные движения успешны, они инициируют процессы оздоровления общества, что усиливает уже существующие гражданские сферы, способствуя признанию ранее дискриминируемых групп; распределяя материальные ресурсы более равномерно и справедливо; расширяя сферу прав; реформируя власть ради снижения ее уязвимости перед коррупцией; обеспечивая более широкий доступ к правовой защите и воплощению верховенства права. Если общественные движения неуспешны и попытки общественного оздоровления и заживления социальных травм терпят неудачу, в таких случаях антигражданские категоризации могут приобретать более широкое употребление. Некогда инкорпорированные группы могут подвергаться эксклюзии, а долго доминированные группы могут становиться еще глубже стигматизированными, и это означает, что будут нарастать унижение и насилие и даже возможность физического истребления.

Когда нации, образующие Латинскую Америку, стали независимыми от Испании и Португалии в начале XIX века, они считали себя частью авангарда интернационального либерализма, отвергнув монархию, аристократию и рабство и выстраивая представительские формы правления и институты верховенства права [Larrain, 2000: p. 74–75; Arana, 2013]. Многие наблюдатели разделяли эту точку зрения — не только в Старом Свете, но и в Новом. Отчасти вопреки, а отчасти и в результате трех веков колониального положения и связанных с этим контрреформационных умонастроений и преэмственности укладов эти новые прогрессивные нации были глубоко укорененными и в европейском модерне [Forment, 2003; Dominges, 2008, 2009; Larrain, 2000: p. 43–91], и в мировом историческом развитии с его постепенным отходом от “традиционной” культуры и “традиционного” общественного строя на основании принципов раннего гуманизма и еще более ранних культурных социальных революций Осевой Эпохи [Eisenstadt, 1982; Bellah, 2011; Alexander, 2013]. Элита новой Латинской Америки сознательно моделировалась, взяв за основу достижения Просвещения и демократических революций конца XVIII века [Lynch, 1973: 20ff; Lynch, 1985: p. 42–46, 106–107; Arana, 2013].

Уже два века назад в Латинской Америке распространялись дискурс, институты и устремления, поддерживающие гражданские сферы. Независимость была достигнута благодаря общематериковому, антиколониальному социальному движению, которое противостояло существующим условиям политической, социальной и культурной деградации, слишком далеким от идеалов гражданского равенства. С победой этого огромного общественно-го движения новые нации конституировались, в значительной мере, как гражданские солидарности, чьи представители являлись гражданами, наделенными индивидуальными правами и не обделенными уважением; чьи культурные устремления универсальны и рациональны; чьи коммуникативные и регуляторные институты — пресса, ассоциации, суды, избиратель-

ная система — работают; и чье общественное мнение влиятельно, пусть даже формально, посредством голосования, не может стать господствующим [Bushnell, 1985: p. 110ff, 121ff; Safford, 1985; Forment, 2003: p. 64–67, 192–200, 208–215; Larrain, 2000: p. 73].

Однако испанская колонизация оказалась слишком тормозящим обстоятельством и два десятилетия антиколониальной войны были крайне жестоким опытом и фактором поляризации. Новые нации оказались не совсем тем, на что надеялись их основатели, и вскоре это обернулось разочарованием [Lynch, 1973: p. 334–347; Arana, 2013: p. 103, 142–143, 151, 176, 223, 342, 463–464]. В течение двух веков собственно латиноамериканской истории гражданские сферы этих гордых новых наций конкретизировались во времени и пространстве, склоняясь при этом к компромиссам с нецивильными сферами под их натиском, как внутри национальных территорий, так и перед лицом преобладающих внешних сил. Были и сломы и развороты, и продолжительные периоды авторитарного контроля, но были и проявления реинтеграции и триумфа демократии. Это была эпоха неравномерного и неоднозначного развития, как в свое время говорил Лев Троцкий о российской истории, и асинхронности, как говорил Джино Джермани о латиноамериканской модернизации вообще [Germani, 1981: p. 147–156].

На протяжении всей латиноамериканской истории обществоведы в Европе и Северной Америке не скупались на уничижительные описания этого континента. Его общества называли несостоявшимися, отсталыми, антимодерными, традиционными и раздробленными. Унизительные описания прежних колонизаторов и колонизованных давали поводы как для напыщенного самодовольства (см., напр.: [Huntington, 1997]), так и для безнадёжного самоистязания (напр.: [Paz, 1961; Veliz, 1994]; ср.: [Moscarenno, Chernilo, 2013]), но и в том, и в другом случае они сильно заблуждались, проявляя и со своей стороны вопиющую неполноту. Маятниковыми колебаниями отмечены жизнь и история любой гражданской сферы — Юга и Севера, Востока и Запада. Новообразованные гражданские сферы в Северной Америке и Европе прошли через испытания, подобные тем, что были в Латинской Америке, поэтому там возникали такие же антидемократические компромиссные образования. В Соединенных Штатах рабовладение не только практиковали, но и в течение столетий оправдывали как достойное уважения, коренное население истребляли, а все “цветные” были лишены гражданских прав. В Европе и Соединенных Штатах большинство населения национальных территорий — наиболее явно женщины и неимущие рабочие — считались неспособными быть гражданами и, как следствие, были лишены юридических, политических и социальных прав. В XIX веке ни одна материковая европейская нация не была в состоянии обеспечить демократическую форму правления. В XX веке европейские гражданские сферы переживали раскол в условиях классовой борьбы, антисемитизма и членивоколонизационных тоталитарных диктатур.

В Латинской Америке в течение всего XIX века окружающие нецивильные институты и системы ценностей глубоко компрометировали гражданские сферы. Креольские элиты использовали бинарный дискурс гражданского общества для дискредитации и отчуждения значительных сегментов национального населения. Коренным народам предписывалась повинность “бесплатного труда” в имениях, подобных дофеодальным, а к метисам относились как к безвлас-

твой средней стране. Мечты о гражданской солидарности превратились в насмешку, противоречия истощали латиноамериканские гражданские сферы изнутри. Олигархия стала правилом, а демократия — исключением.

Ситуация изменилась с началом индустриализации с ее противоречиями, которые породили городские социальные движения в начале и в середине XX века. Обещая реализовать идеалы гражданских сфер, популистские режимы приходили к власти через выборы, перевороты и революции; чтобы привлечь рабочих и, иногда, безземельных крестьян, они не жалели усилий, обещая материальные и символические блага. Но шаги, направленные на выполнение обещаний в духе гражданской сферы, часто породили авторитарные режимы, склонные ограничивать свободу. Популизм подпитывался и направлялся харизматическими демагогами и политическими партиями, которые придавали оздоровлению общества форму процессов, разворачивавшихся сверху вниз, будучи инициированы элитами.

В таких маятниковых колебаниях латиноамериканские гражданские сферы порой переживали обновление, порой компрометировали себя и теряли самостоятельность, однако оставались институционально и культурно жизнеспособными, порождая новые оппозиционные движения, независимую журналистику, мятежных интеллектуалов, электоральные притязания и критически настроенные политические партии. Действительно, проблемы развития разных стран Латинской Америки — отсталость экономики, расовые, этнические и классовые стратификации, религиозные распри — неизменно “фильтровались” сквозь наслоение культурных устремлений и институциональных моделей гражданственности. В этих проблемах усматривался дефицит гражданственности, проявлявшийся в коррупции госаппарата, расколах, подрывающих социальную солидарность, в нечестной журналистике, политических притеснениях, корыстной идеологии, — всем том, что представляет угрозу универсалистским надеждам деколонизации. Жертвы превратились в возмущенных диссидентов, использующих пламенный язык гражданской сферы для разоблачения угнетателей во имя справедливости. Начало и середина XX века были отмечены чередованием то более демократических, то более авторитарных режимов. Прогрессивные процессы в основном были связаны с североамериканскими и европейскими гражданскими идеалами и их носителями — либералами, социалистами, аболиционистами, суфражистами; репрессивные изменения обычно получали поддержку со стороны Соединенных Штатов, чьи спецслужбы и военные пытались спроецировать то, что отвечало, по их мнению, экономическим и геополитическим интересам нации.

В период 1950–1970-х годов Латинская Америка переживала антидемократический реванш, подстрекаемый внутренними гражданскими силами, а иногда извне — усилиями Соединенных Штатов. Но демократические устремления не были окончательно подавлены; критический дискурс, энергия носителей гражданственности и контуры гражданских институтов сохранились. Когда экономические устои этих авторитарных режимов рухнули, как в Чили, где правящие военные режимы оказались неспособными противостоять бывшим колониальным государствам, как в случае Аргентины, проблемы развития, казавшиеся общими для всей Латинской Америки, — бедность, насилие, упадок, коррупция, репрессии — были переосмыслены как отсутствие демократии. Маятник качнулся в обратном направлении. Началось восстановление демократии и национальных гражданских сфер, комму-

никативные и регуляторные институты стали приобретать большую критичность и независимость [Нагорян, Mainwaring, 2005].

Описывая эти новые достижения как часть третьей волны восстановления демократии [Mainwaring, Нагорян, 2005], политологи пророчили “воскрешение гражданского общества” [Donnell, Schmitter, 1986: p. 48], реабилитируя термин, ушедший корнями в начало эпохи современной демократии. Это выглядело вполне понятно, но в итоге оказалось роковой интеллектуальной ошибкой.

“Гражданское общество” как социальный факт и интеллектуальная идея возникло в ходе борьбы против монархии во времена раннего модерна и расцвело в политических баталиях XVII, XVIII и начала XIX века. Гражданское общество было нечеткой, “зонтичной” концепцией [Alexander, 2006: p. 23–36], охватывавшей практически каждую группу, движение и институт, не являющиеся государственными, — ассоциации, экономические предприятия, университеты, профессиональные союзы, церкви и религиозные секты. В такой широкомасштабной концепции кристаллизировалось многовековое политическое движение против наследственного, аристократического авторитаризма. Однако концепция столкнулась с серьезными интеллектуальными и практическими проблемами, когда стали очевидны другие острые общественные проблемы. С подъемом промышленного капитализма “социальные вопросы” уступили место вопросам политической демократии. Казалось, большие государства, любые — социалистические, консервативные, фашистские или демократические, основанные на принципах всеобщего благоденствия, являют собой то, что должно спасти положение. Социальный эффект политической демократии представлялся мизерным и неэффективным многим интеллектуалам и гражданам мира — левым, центристам, правым. Гражданское общество было дискредитировано как синоним институтов, которые опираются на частную собственность и поддерживаются антицивильной буржуазией.

После образования демократических правительств, зонтичный подход к гражданскому обществу стал концептуально беспомощным; именно конфликты и расколы между различными сферами оказались наиболее актуальными, оттеснив на периферию напряженность между государственным и негосударственным. Инструментальная рациональность рыночных экономик, авторитет религиозных иерархов, патриархальные устои семьи, всевозможные, преимущественно расистского толка клубы и ассоциации — все те негосударственные силы, которые прежде, в рамках борьбы за политическую демократию воспринимались как цивилизные, теперь все больше оспаривались представителями той сферы, чьи институты, культура и ассоциации тяготели к более широкой социальной справедливости. Демократия как форма правления была достигнута, но оставалась огромная проблема *демократизации демократии* [Touraine, 1997: p. 180–181] — расширения, воспроизводства и укрепления настоящих цивилизных сфер. С середины XIX и до самого конца XX века “гражданское общество” постепенно исчезало из языка социальной теории.

С восстановлением демократии в Латинской Америке и Восточной Европе в 1980-х годах (см.: [Diamond, 1999: p. 22–23]), что чем-то напоминало бывшие политические баталии, первую волну борьбы против авторитарных государств, актуализировались прежние концепции гражданского общест-

ва. Однако после образования новых демократических режимов актуальность “гражданского общества”, казалось, вновь нивелировалась. Политологи, вновь обратившиеся к концепции “гражданского общества”, считали, что с установлением демократических политических структур проблемы и потрясения, возмущавшие латиноамериканские общества, должны исчезнуть (ср.: [Yovanovich, Rice, 2017: p. 9–10]). Бытовало оптимистичное предположение о том, что поставитарные процедуры “демократической консолидации” откроют эру общественного спокойствия, сотрудничества и заживления язв общества [Holmes, 2009].

Но в действительности общественный конфликт в Латинской Америке только усилился. Долго “не врачующие” социальные проблемы, замалчиваемые или скрывающиеся авторитарными режимами, выплеснулись на поверхность благодаря восстановлению коммуникативных и регуляторных институтов гражданской сферы — критической журналистики, оппозиционных кругов интеллектуалов, левых политических партий и т.п. Действительно, гражданское общество в прежнем его понимании было сформировано, но бедность, коррупция, этническое и расовое отчуждение, патриархальные устои и разрыв между социальными классами, казалось, только нарастают. На фоне этих проблем и разочарований латиноамериканские мыслители пытались отыскать какой-то новый социальный язык: от неомарксизма и теории зависимости до теорий постколониализма, постмодернизма, гендерной и расовой проблематики. Победное восстановление концепции гражданского общества теряло актуальность, а ссылки на нее часто дискредитировались из-за логической непоследовательности и терминологических неточностей, а также из-за критики современного гражданского общества как нелиберального, зависимого, подчиненного, несовершенного и неконсолидированного [Brysk, 2000; Hawkins, Hansen, 2006; Arias, Goldstein, 2010a; Mallen, Encinas, 2013; Moscarena, Chernilo, 2013] (ср.: [Kurlantzick, 2013]).

Утверждая, что “недостатки демократии внутри гражданского общества ставят под угрозу его способность должным образом функционировать”, А.Бриск [Brysk, 2000] делает, казалось бы, логический вывод о том, что “сильное гражданское общество ... не обязательно должно быть демократическим”, — представление, распространившееся во множестве отголосков (напр.: [Nagorian, 2005; Perez, 2009; Oxhorn, 2017]). Надежда на то, что Латинская Америка может обеспечить социальную справедливость, одновременно поддерживая демократию, представляется крайне сомнительной, и в деколониальном контексте [Mignolo, 1995; 2005] встает вопрос, не является ли сама идея демократии просто коварной выдумкой Запада. Ариас и Гольдштейн [Arias, Goldstein, 2010b] предлагают заменить “парадигму демократии” концепцией “насилованного плюрализма”. Насилие не стоит рассматривать, утверждают они, как показатель отдаления государства от (имплицитно Западного) демократического “идеала”; в противовес этому они предпологают, что насилие “критически важно для ... поддержания демократических государств”. Тезис о насильственном плюрализме, ныне часто цитируемый, является проявлением не только эрозии моральных ценностей, но и ошибочного понимания социальной диалектики современной демократии (ср.: [Sanchez, 2011; Taylor, 2011]).

Этому достаточно большому обесценивающему интеллектуальному движению нужно противостоять. Вновь латиноамериканскую демократию

недооценивают — даже тогда, когда проблемы общественного развития Латинской Америки трактуются сквозь призму гражданской сферы. Коррупция, неравенство, расизм и отчуждение становятся актуальными и настоящими “социальными проблемами” не вопреки обещаниям демократии, а именно исходя из них. Раннемодерное понимание гражданского общества следует отбросить. Нам нужно перейти от зонтичной идеи “всего вне государства” к более аналитически дифференцированному понятию гражданской сферы, сферы культуры и институтов, находящихся в напряженных отношениях с другими, нецивильными сферами. Именно потому, что такая демократизирующая социальная сфера действительно является общественно привлекательной, а современные латиноамериканские проблемы не только социологи, но и сами социальные субъекты оценивают и понимают как отклонение от демократических устремлений и их подрыв. Именно в контексте неспособности воплотить утопические чаяния гражданской сферы осуждают коррумпированных госслужащих, критикуют экономическое неравенство, неудачи поликультурализма, нарушения принципа верховенства права, проявления насилия и запугивания журналистов и т.п.

То есть необходимо продемонстрировать, что гражданские сферы Латинской Америки сильны, даже тогда, когда их компрометируют. Мы расширяем способ теоретизации демократии, концептуализируя демократию не только как форму правления, но и как образ жизни [Dewey, 1966 [1916]; Touraine, 1997: p. 185–187]. Безусловно, демократические утопические идеалы гражданских сфер Латинской Америки еще далеки от воплощения; тем не менее они уже существенным образом институционализировались, образуя такого рода противовес антицивильным культурам и институтам, который дает толчок к реформированию общества.

Сам дух гражданских сфер Латинской Америки и ее институты, взлелеенные веками модерна — колониальной и постколониальной эпохи, продолжают играть свою роль, даже если они — как и их аналоги в Северной Америке, Европе и Азии — остаются лишь частично реализованными организационно и материально.

Латиноамериканские гражданские сферы исторически были скомпрометированы вследствие антицивильного эффекта их колониального происхождения; территориальных проблем, обусловленных постколониальным геополитическим положением; дисфункций в сферах экономики и религиозной или этнической принадлежности, а также в результате действий власти, встающей на пути взаимодействия между гражданскими и нецивильными сферами. Такие несогласованности между гражданскими устремлениями и антицивильными реалиями, между идеальным и реальным гражданским обществом отслеживаются в книге, послужившей поводом для данного эссе [Alexander, Tognato, 2018]. Однако пафос книги выходит за рамки применения теории гражданской сферы (ТГС), с тем чтобы подчеркнуть непреходящую актуальность демократической культуры и институтов Латинской Америки не только на практике, но и в теории. Учитывая опыт Латинской Америки, мы можем усовершенствовать и пересмотреть саму ТГС так, чтобы иметь лучший инструментальный решения актуальных проблем современности. Можно предположить, что теоретизация гражданской сферы в Латинской Америке как эмпирической арены борьбы, критики и рефлексий — это

именно то, что необходимо для развития и прогресса теоретизирования по вопросам современности применительно к гражданской сфере.

Граждане Европы и США совсем недавно осознали долгосрочные последствия влияния неуправляемых сил глобального капитализма не только на экономические основы их обществ, но и на состояние демократии в них [de Souza Santos, 2005]. Гражданской солидарности угрожают не только экономические, но и расовые, этнические и гендерные ограничения европейской и американской гражданских сфер. Речь идет о приватизации государственного образования, здравоохранения и социального обеспечения; углублении социальной сегрегации; распространении общин закрытого типа; склонности государственных органов к применению двойных стандартов в правозащитной деятельности в отношении своих граждан; все большей правовой асимметрии в договорных отношениях между гражданами и корпоративными субъектами, особенно после приватизации многих государственных услуг; расширении возможностей уклонения от ответственности и контроля для корпораций; экономической нестабильности, статусных предрассудках и чувстве страха, известном широким слоям, страдающим от губительных экономических последствий глобализации и от подобных землетрясениям эффектов социальных революций последних пятидесяти лет. Эти часто травматические расколы и сдвиги сделали гражданские сферы Северной Америки и Европы склонными к компромиссу демократических стандартов в обмен на большую безопасность и заложили фундамент для возврата популизма, авторитаризма и чрезмерной поляризации в политических и социальных сферах.

Предприимчивые политические дельцы вновь появились на публичной арене, противопоставляя добродетели простых людей двойным стандартам привилегированных элит. “Факты” начали терять свою привлекательность и притягательную силу для широких слоев общества, а “чувства” заняли свое место как авторитетный источник влияния, способного непосредственно затрагивать глубоко укоренившиеся представления рядового гражданина. Постепенное вытеснение фактов из публичного дискурса чувствами начало расшатывать опоры, на которых демократии традиционно выстраивают свою государственную политику. В то же время популисты использовали “альтернативные” факты для подкрепления своих эмоционально окрашенных ненавистнических и ложных аргументов. Однако государственная политика, исходящая из “альтернативных” фактов, не может осуществляться без харизматичных лидеров, которые, учитывая глубокую и прямую связь с массами “простых людей”, могут канализировать народные представления в государственную политику. Поскольку между социальным опытом и альтернативной реальностью, отвечающей убеждениям этих условно простых людей, обнаруживаются досадные разрывы, рядовые граждане все больше склонны предоставлять дополнительную свободу действия харизматичным лидерам ради преодоления пропасти между их представлениями и действительностью. Гражданский контроль над политическими и экономическими силами переходит в более комфортное приспособление; служение государству вытесняется служением персоналиям; а верность лидеру угрожает возобладать над критикой и подотчетностью.

Проникновение популизма и авторитаризма в общественную жизнь устойчивых демократий, которое кое-где в последнее время обозначилось,

поскольку приняло гораздо более грубые формы, началось после десятилетий прогрессивных социальных трансформаций. Цивильные сферы значительно расширились, по мере того как граждане, сталкиваясь с неприемлемыми фактами, коллективно искали решения и новые пути коллективных действий. Происходили расширение солидарности, разработка новых социокультурных моделей инкорпорации, усиление совещательной функции гражданских сфер. Реакция против этих достижений угрожала отбросить общечеловеческую ценность от гражданских сценариев в противостояние проявлениям лояльности и ненависти. Цивильные сферы движутся по спирали вниз к опасной поляризации. Нормативные стандарты в публичном дискурсе, которые утверждают рациональность, разумность, взвешенность, самоконтроль, надежность, прозрачность, добросовестность и подотчетность, обесценились в глазах широких слоев населения. Справедливость таких стандартов все больше подвергают сомнению, рассматривая их как препятствие на пути быстрого достижения власти для простого народа, а также как тормозящие факторы для их харизматичных лидеров. Демагоги придумывают врагов среди прессы — “лживые СМИ”, демонизируют оппозиционные партии и общественные объединения и дискредитируют этическую безличность служебных полномочий, посягая на принцип прямого действия закона, а также независимость судов.

Эти тучи, собирающиеся на горизонте европейских и американских демократий, в течение многих десятилетий были неотъемлемой частью ландшафта латиноамериканских обществ. Следовательно, сопоставление теории гражданской сферы с демократическими процессами в Латинской Америке может дать нам уникальную возможность обогатить теорию и ответить на интеллектуальные и политические вызовы, стоящие перед нами сегодня.

Когда происходит наступление популизма и авторитаризма, гражданское понимание легитимности оказывается под давлением альтернативных, антидемократических толкований мотивов, общественных отношений и политических институтов. Ныне четкое понимание динамики взаимодействия и противостояния между гражданским, негражданским и антигражданским становится особенно важным, в частности, в отношении таких явлений, как конкуренция дискурсов. В частности, конкретные кейсы современного латиноамериканского общественно-политического процесса дают исследователям широкие возможности для изучения динамики и особенностей такого взаимодействия и напряженностей между разными публичными дискурсами.

Важно также признать, что в современной Латинской Америке гражданский дискурс вместе с коммуникативными и регулируемыми институтами гражданских сфер Латинской Америки часто инициировал значительное демократизационное оздоровление. Как это ни парадоксально, но гражданская реформа может возникнуть как следствие использования антигражданских ресурсов, а воинственный революционный дискурс может перетекать в гражданское русло благодаря новым видам коммуникативных институтов.

Для разрешения противоречия между гражданской и негражданскими сферами необходимы эмпирические исследования пределов допустимого в этих отношениях, тогда как до сих пор теоретики гражданской сферы преимущественно концентрировали внимание на структурных и функциональных эффектах, укрепляющих либо ослабляющих границы гражданственности. Вместе с

тем аналитическая реконструкция разноаспектных эмпирических фактов, касающихся реальных распределений между гражданской и негражданской сферами, позволяет говорить о “промежуточных институтах”, опосредующих взаимодействия между данными сферами. Теоретизирование по поводу взаимодействия гражданских и негражданских сфер требует осмысления регуляторных механизмов поддержания общественного порядка через гражданскую сферу.

Аналитики североамериканских и европейских демократий связывают всплеск популизма и авторитаризма с упадком среднего класса. В 1950–1960-х годах теоретики модернизации выдвигали аргумент касательно прямой связи между демократией и сильным средним классом. Вскоре этот тезис подвергся критике, поскольку опыт латиноамериканских обществ, особенно после 1960-х годов, неоднократно демонстрировал, что соотношение между средним классом и демократией вряд ли прямолинейное. Хотя теория гражданской сферы ощутимо повлияла на представления о расовых, этнических, гендерных и религиозных неравенствах, она почти не затрагивала классовый вопрос. Поэтому для заполнения этого пробела необходимо изучать динамику среднего класса, опираясь на работы таких историков культуры, как Э. П. Томпсон, исследования социального строения класса и т.п. Как показывает опыт латиноамериканских исследований, представления разных акторов о среднем классе весьма разнообразны, но эти конструкции могут также использовать бинарный общественный дискурс и строиться посредством коммуникативных и регулятивных институтов гражданской сферы.

Раньше мы предполагали, что крайняя поляризация становится тревожным фактором общественной жизни во многих устойчивых демократических обществах, в частности в латиноамериканских демократиях, где это стало регулярной чертой их общественного ландшафта. При этом теория гражданской сферы пренебрегала влиянием радикальной поляризации на ее функционирование. Современные исследования латиноамериканских кейсов определенным образом заполняют эти бреши.

Чтобы лучше понять реалии и границы популизма и поляризации, исследователям гражданской сферы необходимо также окунуться в повседневную жизнь гражданских общин, в большей мере приобщая к теоретизированию этнографическое, или “антропологическое” измерение исследования. Как оказалось, несмотря на разрушительный эффект отсутствия демократии на национальном уровне, на локальном уровне мощная общая идентичность гражданского толка, чувство солидарности, или “соседад”, пронизывают жизненный опыт местного населения. Например, мексиканцы в некоторых общинах небольших городков, несмотря на свое недоверие к правовым процессам, приобщаются к активным общественным объединениям и реализуют общественные акции, представляющие собой эффективный вызов для государственной власти.

Осмысление теории гражданской сферы сквозь призму опыта Латинской Америки реабилитирует представления о гражданской сфере как якобы утопических устремлениях, придавая им новое и, возможно, гораздо более сильное содержание. Необходимо “деколонизировать” то высокомерие, с которым исследователи Севера часто подходят к демократическим процессам за пределами США и Европы. Чтобы дать отпор популизму, авторитаризму и

параличу гражданской жизни, возникающим вследствие чрезмерной поляризации, мы нуждаемся в намного большей моральной энергии и более глубокой вере в демократию. Латиноамериканский опыт может сказать нам нечто основательное в этом контексте.

Столкнувшись с вызовами, которые угрожают демократии в латиноамериканских обществах, с разочарованием в отношении темпов расширения круга социальной инклюзии в них, часто медленного, а то и с запоздалой, с эпидемическими практиками насилия на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни, аналитики за пределами Латинской Америки, да и в ней самой периодически поддаются соблазну поспешных выводов, рационализируя отторжение цивиличности в том смысле, что все это якобы является признаком только латиноамериканской демократии. Иногда они идут еще дальше, трактуя отрицание цивиличности как вполне достойное Латинской Америки измерение демократической идентичности. Мы не можем поддерживать такие интеллектуальные шаги, хотя понимаем их. Отказ от надежды и утопии представляет собой несправедливость в отношении чрезвычайных проявлений политического воображения, которые неоднократно инициировали латиноамериканские общества, вновь и вновь напоминая нам, что цивиличная сфера — одновременно и как реальность, и как утопия — остается вполне жизнеспособным и действенным фактором для всего региона, даже в самых неблагоприятных обстоятельствах.

В начале 1990-х Богота была самым опасным городом в Латинской Америке (см.: [Sommer, 2014]), ее граждане избегали публичного пространства, укрываясь в собственных жилищах (см.: [Martin-Barbero, 2017]). Когда Антанас Мокус занял должность мэра Боготы в 1995 году, он отказался воспринимать публичную агрессию как естественный факт демократической жизни, осудил ее как неприемлемое проявление нецивиличности, которому могла бы противостоять более демократичная политика. Его администрация принялась организовывать “показательные” публичные вмешательства в повседневную жизнь города. Например, мэрия распространила среди горожан тысячи карточек с изображением жестов одобрения или осуждения и предложила использовать их для публичных проявлений своего отношения к поведению своих сограждан вместо прямой агрессии или насилия. И действительно, подобные вмешательства имели заметный эффект [Gilbert, Davila, 2002; Dundjerovic, Bateman, 2006]. Граждане Боготы стали проявлять больше уважения к публичному пространству, больше дисциплины в заторах и меньше агрессии в городских взаимодействиях. Это вроде бы сугубо педагогическое упражнение в сфере демократии позволило превратить обыденные моменты совместной жизни в опыт коллективной саморефлексии, зарождения публичного обсуждения и восстановления цивиличной идентичности [Narvaez-Goldstein, 2002-2003; Oliveira, 2009; Pansotti, 2009]. Этот опыт Мокуса — лишь один из многих примеров цивиличного творчества и настойчивости, которые могут предложить латиноамериканские демократии.

Перевод с английского М. Роика-мл.

Источники/References

Alexander, J. C. (2006). *The Civil Sphere*. New York, NY: Oxford University Press.

- Alexander, J. C. (2013). The Promise and Contradictions of Axiality. *Sociologica*, 1 (January–April).
- Arana, M. (2013). *Bolívar: American Liberator*. New York, NY: Simon and Schuster.
- Arias, E. D., Goldstein, D. M. (Eds.), (2010a). *Violent Democracies in Latin America*. Durham, NC: Duke University Press.
- Arias, E. D., Goldstein, D. M. (2010b). Violent Pluralism: Understanding the New Democracies in Latin America. In: E. D. Arias, D. M. Goldstein (Eds.), *Violent Democracies in Latin America* (pp. 1–34). Durham, NC: Duke University Press.
- Bellah, R. N. (2011). *Religion and Human Revolution*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brysk, A. (2000). Democratizing Civil Society in Latin America. *Journal of Democracy*, 11 (3), 151–165.
- Bushnell, D. (1985). The Independence of Spanish South America. In: L. Bethell (Ed.), *The Cambridge History of Latin America* (vol. III, pp. 95–15). Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- de Souza Santos, B. (2005). *Reinventar la democracia: Reinventar el Estado*. Buenos Aires: Consejo Latino-americano de Ciencias Sociales.
- Dewey, J. ([1916] 1966). *Democracy and Education*. New York, NY: Free Press.
- Diamond, L. (1999). *Developing Democracy: Toward Consolidation*. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.
- Domingues, J. M. (2008). *Latin America and Contemporary Modernity: A Sociological Interpretation*. New York, NY: Routledge.
- Domingues, J. M. (2009). Global Modernization, ‘Coloniality’ and a Critical Sociology of Contemporary Latin America. *Theory, Culture, Society*, 26 (1), 112–133.
- Dundjerovic, A., Bateman, I. N. (2006). Antanas Mockus’s Cultura Ciudadana: Theatrical Acts for Cultural Change in Bogota, Colombia. *Contemporary Theatre Review*, 16 (4), 457–467.
- Eisenstadt, Sh. N. (1982). The Axial Age: The Emergence of Transcendental Visions and the Rise of Clerics. *European Journal of Sociology*, 23 (2), 299–314.
- Fischer, E. F. (Ed.), (2009). *Indigenous Peoples, Civil Society, and the Neo-Liberal State in Latin America*. New York, NY: Berghahn Books.
- Forment, C. A. (2003). *Democracy in Latin America, 1760–1900*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Germani, G. (1981). *The Sociology of Modernization: Studies on Its Historical and Theoretical Aspects with Special Regard to the Latin American Case*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
- Gilbert, A., Dávila, J. (2002). Bogotá: Progress within a Hostile Environment. In: J. M. David, H. A. Dietz (Eds.), *Capital City Politics in Latin America: Democratization and Empowerment* (pp. 29–64). Boulder, CO: Lynne Rienner.
- Hagopian, F. (2005). Conclusion: Government Performance, Political Representation, and Public Perceptions of Contemporary Democracy in Latin America. In: F. Hagopian, S. P. Mainwaring (Eds.), *The Third Wave of Democratization in Latin America: Advances and Setbacks* (pp. 319–362). New York, NY: Cambridge University Press.
- Hagopian, F., Mainwaring, S. P. (Eds.), (2005). *The Third Wave of Democratization in Latin America: Advances and Setbacks*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Hagopian, F., Mainwaring, S. P. (2005). Introduction: The Third Wave of Democratization in Latin America. In: F. Hagopian, S. P. Mainwaring (Eds.), *The Third Wave of Democratization in Latin America: Advances and Setbacks* (pp. 1–13). New York, NY: Cambridge University Press.
- Hawkins, K. A., Hansen, D. R. (2006). Dependent Civil Society: The Círculos Bolivarianos in Venezuela. *Latin American Research Review*, 41 (1), 102–132.

Hoelscher, K., Nussio, E. (2016). Understanding Unlikely Successes in Urban Violence Reduction. *Urban Studies*, 53 (1), 2397–2416.

Holmes, J. S. (2009). Democratic Consolidation in Latin America? In: R. L. Millett, J. S. Holmes, O. J. Perez (Eds.), *Latin American Democracy: Emerging Reality or Endangered Species?* (pp. 5–20). New York, NY: Routledge.

Huntington, S. (1998). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY: Simon and Schuster.

Kurlantzick, J. (2013). *Democracy in Retreat: The Revolt of the Middle Class and the Worldwide Decline of Representative Government*. New Haven, CT: Yale University Press.

Larrain, J. (2000). *Identity and Modernity in Latin America*. Cambridge, UK: Polity Press.

Lynch, J. (1973). *The Spanish American Revolutions, 1808–1826*. New York, NY: W.W. Norton.

Lynch, J. (1985). The Origins of Spanish American Independence. In: L. Bethell (Ed.), *The Cambridge History of Latin America* (vol. III, pp. 3–50). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Mallén, A. L., Encinas, M. J. G. (2013). A Rude Awakening: The Underside of Venezuela's Civil Society in the Time of Hugo Chávez. *Politeja – Pismo Wydziału Studiów Międzynarodowych i Politycznych Uniwersytetu Jagiellońskiego*, 24, 141–162.

Martin-Barbero, J. (2017). Bogotá: Between the Violence of Chaos and Civic Creativity. In: C. Tognato (Ed.), *Cultural Agents Reloaded: The Legacy of Antanas Mockus* (pp. 277–292). Cambridge, MA: The President and Fellows of Harvard College.

Mignolo, W. D. (1995). *The Darker Side of the Renaissance: Literacy, Territoriality, and Colonization*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Mignolo, W. D. (2005). *The Idea of Latin America*. Malden, MA: Blackwell.

Moscareño, A., Chernilo, D. (2009). Obstacles and Perspectives of Latin American Sociology: Normative Universalism and Functional Differentiation. *Soziale Systeme*, 15 (1), 72–96.

Narvaez-Goldstein, M. (2002–2003). L'éthique de la discussion au service d'une nouvelle politique de la ville: l'expérience de Antanas Mockus à la mairie de Bogota (1995–1997). *Quaderni: La revue de la communication*, 49, 119–133.

Nogueira de Oliveira, M. (2009). Ethics and Citizenship Culture in Bogotá's Urban Administration. *The University of Miami Inter-American Law Review*, 41 (1), 1–17.

O'Donnell, G., Schmitter, Ph. C. (1986). Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Part IV. In: G. O'Connell, Ph. C. Schmitter (Eds.), *Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy* (pp. 1–78). Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press.

Oxhorn, Ph. (2017). Civil Society from the Inside Out: Community, Organization and the Challenge of Political Influence. In: G. Yovanovich, R. Rice (Eds.), *Re-Imagining Community and Civil Society in Latin America and the Caribbean* (pp. 20–46). New York, NY: Routledge.

Pasotti, E. (2009). *Political Branding in Cities*. Cambridge: Cambridge University Press.

Paz, O. (1961). *The Labyrinth of Solitude: Life and Thought in Mexico*. New York, NY: Grove Press.

Perez, O. J. (2009). Measuring Democratic Political Culture in Latin America. In: R. L. Millett, J. S. Holmes, O. J. Perez (Eds.), *Latin American Democracy: Emerging Reality or Endangered Species?* (pp. 21–40). New York, NY: Routledge.

Sanchez, M. R. (2011). Review of E. D. Arias and D. M. Goldstein (eds.), *Violent Democracies in Latin America*. *American Journal of Sociology*, 116 (6), 2042–2045.

Sommer, D. (2017). 'Por Amor al Arte': Haber-Mockus Plays with the Possible. In: C. Tognato (Ed.), *Cultural Agents Reloaded: The Legacy of Antanas Mockus* (pp. 249–274). Cambridge, MA: The President and Fellows of Harvard College.

Taylor, S. L. (2011). Review of E. D. Arias and D. M. Goldstein (eds.), *Violent Democracies in Latin America. Perspectives on Politics*, 9 (4), 892–893.

Touraine, A. (1997). *What Is Democracy?* Boulder, CO: Westview Press.

Veliz, C. (1994). *The New World of the Gothic Fox: Culture and Economy in English and Spanish America*. Berkeley, CA: University of California Press.

Yovanovich, G., R. Rice (Eds.), (2017). *Re-Imagining Community and Civil Society in Latin America and the Caribbean*. New York, NY: Routledge.

Получено/Received 12.11.2019

ДЖЕФРИ Ч. АЛЕКСАНДЕР, КАРЛО ТОНЬЯТО

Цивільна сфера та демократія в Латинській Америці

Мета статті — продемонструвати, що цивільні сфери Латинської Америки залишаються в силі, навіть перебуваючи під загрозою, а також розширити спосіб теоретизування демократії, осмислюючи її не тільки як державну форму, але як спосіб життя. При цьому завдання авторів виходить за рамки просто застосування теорії цивільної сфери і передбачає наголос на актуальності як на практиці, так і в теорії демократичної культури та інститутів Латинської Америки. Це вимагає деколонізації зверхнього ставлення теоретиків Півночі до демократичних процесів за межами Сполучених Штатів і Європи. Звернення теорії цивільної сфери до досвіду Латинської Америки розкриває утопічний і амбітний характер громадянського суспільства на нових і більш сильних підставах. Зокрема, це дає змогу показати, що в сучасній Латинській Америці цивільний дискурс в поєднанні з комунікативними і регулювальними інститутами в латиноамериканських цивільних сферах здатні ініціювати процеси демократизації в дусі цивільності. Таке бачення є конструктивним застосовно не тільки до реалій Латинської Америки, а й до ширшого глобального контексту.

Ключові слова: цивільна сфера, демократія, Латинська Америка

ДЖЕФФРИ Ч. АЛЕКСАНДЕР, КАРЛО ТОНЬЯТО

Цивильная сфера и демократия в Латинской Америке

Цель статьи — продемонстрировать, что гражданские сферы Латинской Америки остаются в силе, даже находясь под угрозой, а также расширить способ теоретизирования демократии, осмысливая ее не только как государственную форму, но и как образ жизни. При этом задача авторов выходит за рамки просто применения теории гражданской сферы и предполагает акцент на актуальности как на практике, так и в теории демократической культуры и институтов Латинской Америки. Это требует деколонизации высокомерного отношения теоретиков Севера к демократическим процессам за пределами Соединенных Штатов и Европы. Обращение теории гражданской сферы к опыту Латинской Америки раскрывает утопический и амбициозный характер гражданского общества на новых и более сильных основаниях. В частности, это позволяет показать, что в современной Латинской Америке гражданский дискурс в сочетании с коммуникативными и регулирующими институтами в латиноамериканских гражданских сферах способны инициировать процессы демократизации в духе гражданственности. Такое видение конструктивно применительно не только к реалиям Латинской Америки, но и в более широком глобальном контексте.

Ключевые слова: гражданская сфера, демократия, Латинская Америка

JEFFREY CH. ALEXANDER, CARLO TOGNATO

Civil sphere and democracy in Latin America

The purpose of the article is to demonstrate that the civil spheres of Latin America remain in force, even when under threat, and to expand the method of theorizing democracy, understanding it not only as a state form, but also as a way of life. Moreover, the task of the authors goes beyond the purely application of the theory of the civil sphere in order to emphasize the relevance not only in practice, but also in the theory of democratic culture and institutions of Latin America. This task requires decolonizing the arrogant attitude of North theorists towards democratic processes outside the United States and Europe. The peculiarities of civil spheres in Latin America are emphasized. It is argued that over the course of the nineteenth century the non-civil institutions and value spheres that surrounded civil spheres deeply compromised them. The problems of development that pockmarked Latin America — lagging economies, racial and ethnic and class stratification, religious strife — were invariably filtered through the cultural aspirations and institutional patterns of civil spheres. The appeal of the theory of the civil sphere to the experience of Latin America reveals the ambitious nature of civil society and democracy on new and stronger foundations. Civil spheres had extended significantly as citizens confronted uncomfortable facts, collectively searched for solutions, and envisioned new courses of collective action. However when populism and authoritarianism advance, civil understandings of legitimacy come under pressure from alternative, anti-democratic conceptions of motives, social relations, and political institutions. In these times, a fine-grained understanding of the competitive dynamics between civil, non-civil, and anti-civil becomes particularly critical. Such a vision is constructively applied not only to the realities of Latin America, but also in a wider global context. The authors argue that in order to understand the realities and the limits of populism and polarization, civil sphere scholars need to dive straight into the everyday life of civil communities, setting the civil sphere theory (CST) in a more ethnographic, “anthropological” mode.

Keywords: civil sphere, civility, democracy, Latin America